

Stability and Dynamics in the Ukrainian Higher Danube Dialect

Maryna Delyusto¹

Abstract: The article deals with some dynamic processes in the Ukrainian dialect spoken in the village Shevchenkove, Kiliya district, Odessa region. The author establishes stable elements of its grammatical system which are indifferent towards influence of other languages, especially Russian and Romanian, towards the Ukrainian literary standard and neighboring dialects, and changeable ones, which have been modified since last investigations of this dialect.

Key words: Ukrainian Higher Danube dialect; dialectal phenomena; dynamics; tendency; unification

Украинские придунайские говоры (юго-западная часть Одесской области) вызывают постоянный интерес исследователей начиная с 60-х годов XX века (Mukan, 1960; 1961; 1969). Здесь, вдали от метрополии, украинский язык развивается по своим законам и моделям. Этому способствует соседство языков близкого и дальнего родства (русского, болгарского, румынского, гагаузского, албанского), а также то обстоятельство, что представленные на этой территории частные диалектные системы (ЧДС) являются вторичными, переселенческими. Безусловно, что наблюдение над украинским диалектным языком, развивающимся в таких специфических условиях, может дать ценные сведения для установления динамических процессов в украинском языке в целом, и в его диалектной разновидности, в частности.

Данная статья посвящена анализу одного из типичных и самых больших украинских говоров Придунавья – с. Шевченково Килийского района. Согласно последним исследованиям ареала междуречья Днестра и Дуная, он относится к смешанным, полигенетическим (Kolesnykov, 2015), сформирован на основе разных диалектных типов, но преимущественно за счет выходцев с территории распространения юго-восточного наречия украинского языка. Приведенные в статье лингвистические факты наблюдались нами в течение 9 лет (с 2006 по 2015 гг.), источниками исследовательского материала стали фонозаписи диалектной речи носителей говора разного пола трех возрастных групп (1918-1944 гг. рождения; 1960-1980 гг. рождения; 1990-2000 гг. рождения), а также транскрибированные диалектные тексты и ответы на

¹ PhD, Izmail State Liberal Arts University, Department of History of Ukraine, Address: 12, Repin St., Izmail, Ukraine, Tel.: +38048 417 27 50, Corresponding author: nv_idgu@ukr.net.

специально составленный вопросник. Для установления динамических процессов использовались результаты описательного исследования этого говора, выполненного, вместе с рядом других придунайских, А. М. Мукан (Mukan, 1960; 1961; 1969), а также его лингвогеографического отражения в национальном атласе (AUL, 1984-2001).

Поскольку фонетический уровень, по мнению исследователей, является самым стойким к изменениям, то основное внимание в статье сосредоточим на других, прежде всего на морфологическом, синтаксическом и лексическом.

Следует отметить, что, как и в 60-е годы, специфику системы форм изменяемых частей речи, главным образом, определяет действие морфологической аналогии. Так, активным остается влияние существительных твердой основы на существительные мягкой основы и основы на шипящий в творительном падеже единственного числа I и II склонения (*зе^мл'ойу, чере^пиц'ойу, с ква^сол'ойу, |Сашойу, |сажойу, Ал'ошойу; дн'ом, г^рихве^л'ом, ву^л'ом, Анд^рейом, дере^в'ц'ом*), в звательном падеже единственного числа I склонения (*н'ан'о, |Над'о*), дательном и предложном падежах единственного числа II склонения (*врач'ов'и, в шала^л'шов'и, на кон'ов'и, по поло^тенц'ов'и*). Стойкими являются и возникшие под действием индукции со стороны имен существительных I склонения, формы субстантивов III с окончанием *-ойу (-о^уйу)* типа *путь'ойу, |ноч^ойу*. В то же время зафиксировано и расширение количества флективных вариантов в данной форме. Если А. М. Мукан в исследуемом говоре отмечала только параллельные варианты с *-у* и *-ойу (-о^уйу, -у^ойу)*: *н'ичу – |ноч^ойу* (Mukan, 1961), то сегодня в записанных диалектных текстах встречаем и распространенные в отдельных юго-западных говорах формы на *-йу (сол'йу, |ноч'йу)*. Поскольку их отмечали и в других ЧДС региона (Drozdovskij 1962, p. 15), то предполагаем, что в говоре с. Шевченково они возникли в результате междиалектного взаимодействия.

Об определенной динамике можно говорить и касательно форм дательного и предложного падежей единственного числа субстантивов I склонения, где сегодня, отмечаемое ранее (Mukan, 1961, p. 11), распространенное в южнобессарабских говорах (Drozdovskij 1961; 1962; Kolesnykov, 2015) отсутствие чередований *г - з, к - ц, х - с* представлено вариантно с формами с переходом заднеязычных в свистящие (*матушк'и, ха^з'айк'и, |Гал'ки, |Вовочки; на ска^л'мейки, на стажи^ровки, у при^хошк'и, у к^ниг'и; со^бац'и, у по^вос'ц'и, на |нитоц'и, у ба^з'и, в |пазус'и*). Очевидно, что эта тенденция параллелизма архаических форм с чередованиями и инновационных без них поддерживается влиянием литературного стандарта.

Формы творительного падежа единственного числа существительных IV склонения все также вытесняются формами II склонения (*курч'ом, дит'ом*).

К тому же статистический анализ и других форм косвенных падежей этого склонения дает возможность утверждать, что все они нивелируются в речи диалектоносителей, поскольку случаи их употребления очень редкостны. Это наблюдение соотносится с замечаниями других исследователей юго-восточных новообразованных говоров (Gluhovtceva, 2005). Данный фрагмент грамматической системы ЧДС свидетельствует о динамике, потому что в национальном атласе (AUL, 2001, v. 3, p. 2) формы родительного и дательного падежей существительных этого склонения описаны с суффиксом *-ам-* (*те^л'ати, шче^л'ати, кур^л'ати; те^л'ам'и, гу^л'ам'и, ѡа^л'ам'и, поро^л'ам'и*), а формы творительного – без него, с окончанием *-ам* (*те^л'ам, ѡа^л'ам, поро^л'ам*).

В формах родительного падежа множественного числа существительных I склонения доминантной остается флексия *-іу* (*канх^л'вет'іу, хат'іу, в^л'идумк'іу, со^л'бак'іу*), которая, как и ранее, переходит и на субстантивы III склонения (*бол'ез'н'іу, ме^л'дал'іу, мисл'іу*). Однако значительно реже стало употребляться здесь архаическое окончание *-ей* (*но^л'гей позби^л'валас'а*), что поддерживается, вероятно, аналогией к формам типа *д'ітей, курей, грошей, дверей*. Формы именительного падежа множественного числа II склонения зафиксированы прежде всего с флексиями *-и, -і* (*хаз'ай^л'ни, вч^л'ите^л'і*), окончание *-а* функционирует спорадически (*тракт^л'ра, шоф^л'е^л'р'а*). Хотя наличие этой вариантности отображено и в работах А. М. Мукан (Mukan, 1961, p. 10), и в AUL (AUL, 2001, v. 3, p. 2, m. 51), нельзя не отметить, что частота литературно нормативных форм сегодня значительно увеличилась, а спорадические формы с *-а*, считаем, обусловлены не «влиянием соседствующих русских говоров» (Mukan, 1969, p. 195), а грамматической аналогией к существительным среднего рода этого же склонения, которые в именительном падеже множественного числа имеют соответственное окончание (*но^л'а, мо^л'р'а, села, ста^л'да*).

Анализ материала национального атласа дает возможность отметить также следующие изменения в морфологии имени существительного. Например, карта №79 (AUL, 2001, v. 3, p. 2), информирует о функционировании в говоре с Шевченково словосочетания *бе^л'ру серп* только в форме (глагол + винительный падеж имени существительного – наименования неодушевленного предмета мужского рода). Сегодняшние наблюдения показали, что словосочетания такого типа функционируют и в форме (глагол + родительный падеж имени существительного – наименования неодушевленного предмета мужского рода): *об^л'мазували при^л'ч ілка, роз^л'би^л'у^л'носа*. Количественная характеристика подобных структур указывает, что последние доминируют над словосочетаниями первого типа. Вместе с тем карта №76 (AUL, 2001, v. 3, p. 2), свидетельствует о том, что исследуемой ЧДС не свойственны распространенные в юго-западных говорах архаические формы двойственного числа (числительное *дві* + имя существительное

женского рода типа *рука*), однако нами в диалектных текстах они зафиксированы (*нас було дв'ї с'їст'ї*). Такое расхождение связываем с тем, что, как отмечалось ранее (Drozdovskij 1962; Kolesnykov, 2015), в южнобессарабских говорах формы двойственного числа сохраняются только без чередований, поэтому в материалах AUL, где проверялись соответствующие формы с чередованиями *к//ц*, данная черта и не нашла отражения. Это позволяет утверждать, что наличие двойственного числа в анализируемой ЧДС не инновация, а стойкая архаическая черта.

Одна из немногих особенностей прилагательных и склоняющихся по их типу слов, состоящая в употреблении форм твердой основы с окончаниями *-ix*, *-im* в родительном, дательном и предложном падежах множественного числа (*п'ус 'т'ix*, *на молод'ix*, *молод'im*, *по 'разн'ix*), удерживается и по ныне. Как и предыдущие исследователи, считаем, что стойкость данных форм связана с аналогией к соответствующим формам мягкой основы типа *синix*, *синim*. В то же время почти не употребляются фиксированные ранее как «широко известные» (Мукан, 1961, р. 11) стяженные формы дательного-предложного падежа прилагательных женского рода (*Се^мменов'ї ж'їнц'ї*, *у ве^млик'ї хат'ї*).

Следует отметить и некоторые изменения в формообразовании имен прилагательных. К ним относится утрата распространенной в подольских говорах формы сравнительной степени с суффиксом *-їшч-* (*л'їнїв'їшча*, *св'їж'їшчий*), фиксированной в ЧДС А. М. Мукан (Мукан, 1961¹, р. 161). Наличие таких форм в лингвистической литературе объясняют или аналогией к формам типа *вищий*, *крашчий*, *вужчий*, *дужчий*, или диссимиляцией *ш > ч*: *-гїшш-* > *-гїши-* > *-їши-* > *-їшч-* (Bevzenko, 1960, р. 220). Вероятно, они занимали периферийное место в грамматической системе говора, характеризовали речь немногих переселенцев-носителей юго-западных диалектов, а потому, не найдя поддержки среди преобладающего окружения юго-восточного диалектного типа, исчезли.

Склонение числительных в исследуемом говоре продолжает определять отсутствие системы падежных форм, свойственных литературному языку, причем, чем большее число обозначает нумератив, тем меньше его падежных оппозиций представлено в диалектных текстах. По сравнению с литературным стандартом, отмечаем не только более упрощенное парадигматическое строение числительного, но и тяготение этого грамматического класса к аналитизму. Последнее дает возможность констатировать тот факт, что оно реализуется прежде всего в формах именительного или винительного падежа и только вместе с формой субстантива, которая иногда может опускаться (*а служба в 'девят' нач'їна*; *сол'арка вже пїат' / ш'їд'їс'ат чи пїат' н'їс'ат / шос' таке*). Случаи самостоятельного употребления числительных со значением абстрактно-математического количества не фиксируются. К важной черте

этой части речи в диалектном языке в целом, и в частности в исследуемой ЧДС, относим функциональную лакунарность, которая находит отражение в непредставленности в диалектных текстах определенных форм и соответствующих им значений числительных (числовые обозначения *дв'іст'і – де"вій'ц'ом*, все составные и т.д.), или непредставленности только форм при наличии других средств выражения соответствующих значений, например, родительного падежа (*із дв'інац'ат' год; с чо'тирнац'ат' год; до дв'інац'ат' ча'соў; було по'верх двац'ат'; поро'біу у кол'хоз'і до ш'ід'іс'ат год / ну і попро'сили до ш'ід'іс'ат п'ят' год; ме"н'і до 'с'емс'ат рок'іу бе"рец'а*).

Притяжательные местоимения *мій, твій, свій* в косвенных падежах единственного числа утрачивают типичные для многих юго-западных говоров стяженные формы (*т'вому, мо'ю, мо'ї*), отмеченные ранее параллельно к нестяженным (*тво'йому – тво'йому, мо'їейу – мо'їойу*). Вместе с тем указательные прономинативы *той, цей*, а также определительный *вес' (у'вес')*, характеризует обратный процесс – преобладание стяженных форм (*то'ї, то'ю; ц'о'ї, ц'о'ю; у'с'о'ї, у'с'о'ю*), функционирующих в других юго-восточных говорах, в частности степных, и нивеляция литературно нормативных вариантов.

Среди основных особенностей глагола наблюдается утрата форм 3 лица единственного числа настоящего времени I спряжения с флексиями *-и'т', -ет'* (*ка"и'т', мо'жет'*), интерпретированных диалектологами как архаические или возникшие вследствие аналогии к соответствующим формам II спряжения типа *коли'т', си'тит'* (Mukan, 1960, p. 189). Однако активными остаются распространенные в степных и слобожанских говорах юго-восточного наречия формы 3 лица единственного числа II спряжения на *-е* (*по'ложе", не" в'лазе, при"ходе*), свойственные глаголам с ударением на корне, а также сокращенные формы 3 лица единственного числа на *-а* от глаголов III класса I спряжения (*зу'л'а, ут'і'ка, пи'та, лу'па, по'ма'га, ст'а'га*). Отдельного внимания заслуживает такая яркая черта глагольного словоизменения, как устойчивость форм 1 лица единственного числа II спряжения, в которых отсутствуют чередования *д//дж* (*буд'у, ви'ход'у, ход'у, сер'д'ус'*), *т//ч* (*кот'у, ле"т'у*), *с//ш* (*вис'у, по'прос'у*), что отражено и в AUL (AUL, 2001, v. 3, p. 2, m. 70–71); а также *з//ж* (*л'у'дей при"воз'у / од'воз'у*) и *ст//ц* (*а йа 'нос'т'у так*). Подчеркнем, что подобные формы, свойственные многим новообразованным украинским говорам (AUL, 2001, v. 3, p. 3, m. 40), характеризуют и русские говоры строобрядцев-липован, проживающих в Придунавье. Диалектологи считают, что «формы с зубными на месте шипящих» возникли вследствие аналогии к другим личным формам (Mukan, 1961², p. 188). Однако вопрос о том, какие именно формы стали причиной этой аналогии, в языкознании решается по-разному. В частности, С. Ф. Бевзенко отмечал, что «формы с отсутствием чередований *д, т, з, с, ст*

с соответственными шипящими являются инновациями, возникшими по аналогии к большинству форм этих слов (срав.: *ходиш, ходить, просиш, просить* и т.д.)» (Bevzenko, 1960, p. 271).

Что касается служебных частей речи, то заслуживает внимания отмеченное А. М. Мукан отсутствие в грамматической системе ЧДС с. Шевченково предлога *б'іл'а* (Mukan, 1960, p. 201) и частицы *хай* (Mukan, 1960, p. 196). Однако диалектные тексты и ответы на вопросник засвидетельствовали наличие и распространение этих элементов, что также связываем с влиянием литературного языка и соседствующих украинских говоров.

Среди стойких элементов исследуемой ЧДС и некоторые результаты влияния румынского языка. К ним относится наличие заимствованных лексем, как полнозначных (*во'на каже пугуросулуй / дур'ний каже ти // де ч'ерн'і кана мар'і мент'і нуй; от ми кажем бу'жора / а по-книжному йак же?*), так и служебных частей речи, преимущественно частиц *бре* (*бр'е*), *мей* (*та й бре! / оце така просто'та; йа не помн'у / н'е бр'е!*; *було кажут' ме'н'і // мей! Надеждо!*; *та мей / шо балакат'*). Последние активны и в речи носителей русских и болгарских говоров Придунавья.

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать следующее: украинский придунайский говор с. Шевченково в целом сохраняет свои грамматические особенности; изменения структуры говора обусловлены влиянием литературного языка, что стало причиной исчезновения части морфологических вариантов, прежде всего соотносимых с говорами юго-западного наречия, поскольку их представители составляли меньшинство в процессе формирования говора. Одной из важных и главных тенденций исследуемой ЧДС видим выравнивание под воздействием диалектного окружения, на что указывают и последние комплексные работы по изучению говоров ареала (Kolesnykov, 2015).

References

- Bevzenko, Stepan (1960). *Історична морфологія української мови / The historic morphology of the Ukrainian language*. Uzhgorod: Zakarpatye Region Publishing.
- Drozdovskij, Volodymyr (1961). *Південнобессарабські українські говірки / The Ukrainian South-Bessarabia dialects. Праці X республіканської діалектологічної наради / The works of the 10-th republic dialectal summit*. Kyiv, pp. 132–155.
- Drozdovskij, Volodymyr (1962). *Українські говірки Бессарабського Примор'я. Частина I-II / The Ukrainian dialects of the Bessarabia Seaside. Part I-II*. Odesa.
- Gluhovtceva, Kateryna (2005). *Динаміка українських східнословобожанських говірок / The dynamics of the Ukrainian East-Slobozhanshyna dialects*. Lugansk: Alma-mater.

Kolesnykov, Andrij (2015). Морфологія українських південнобессарабських говірок: генеза і динаміка / *The morphology of the Ukrainian South-Bessarabia dialects: origin and dynamics*. Izmail: SMYL.

Mukan, Ahafia (1960). *Українські наддунайські говірки. Фонетико-граматичні особливості / The Ukrainian Higher Danube dialects. Phonetic and grammatical peculiarities*. Gluhiv.

Mukan, Ahafia (1961¹). Словотвір українських наддунайських говірок / The derivation of the Ukrainian Higher Danube dialects. *Праці X республіканської діалектологічної наради / The works of the 10-th republic dialectal summit*. Kyiv, PP. 156–168.

Mukan, Ahafia (1961²). *Українские наддунайские говоры. Фонетико-грамматические особенности / The Ukrainian Higher Danube dialects. Phonetic and grammatical peculiarities*. Kyiv.

Mukan, Ahafia (1969). Варіантність форм у деяких новостворених говорах української мови / Form's alternativeness in some Ukrainian dialects of new formation. *Українська діалектна морфологія / The Ukrainian dialectal morphology*. Kyiv, PP. 191–199.

*** AUL (1984-2001). *Атлас української мови / Atlas of the Ukrainian language*. Kyiv: Naukova dumka.